

риж. Передавал в пузырьках от сердечных капель», - вспоминал Валерий Янкович. Косвенно подтвердит это и Валерий Золотухин в дневнике: «Люди рисковали, вернее, не подозревали пилоты наши, что в бутылочках из-под облепихового масла они привозили ему наркотик». Однажды на таможне в аэропорту Высоцкий подвергся тщательному досмотру. Тогда он прямо в кармане раздавил пузырек из-под сердечных капель и сильно порезался.

Болезнь прогрессировала. Анатолий Федотов признавался: «Были моменты, когда Володя уже не мог контролировать себя. Сколько бы мы ни достали - правдами и неправдами - он мог сразу сделать себе... Мог вса- дить колоссальную дозу». То же говорит и еще один человек из окружения Высоцкого - В. Шехтман: «В последнее время Володя реально себя не ощущал. «Володя, а сколько ты сегодня хватанул? Штук 10 уже засадил?» - «Да это же вода! Они туда воду нали- вают!»

Клиническая смерть

Известно, что ровно за год до биологической смерти Высоцкий был в состоянии клинической. Полное отсутствие сердечной деятельности. Анатолий Федотов ввел кофеин прямо в сердце. Через полчаса Владимир Семенович - как ни в чем не бывало! Но администраторы забеспокоились: «Ты, наверное, все три концерта не отработал!» Оксана возмутилась: «Какие концерты! Вы что?!..» Было принято считать, что тогда в Бухаре причиной клинической смерти был сердечный приступ. Позже выяснилось: оказавшись без наркотика, Высоцкий ввел себе лекарство, которое используют при лечении зубов.

Владимир Семенович свое безвыходное положение оценивал так: «Мне ничего не осталось, кроме пули в лоб!..»

«В Калининграде мы свели дозу до одной ампулы. Не хватало. Володя мне говорил: «Я покончу с собой! Я выброшусь из окна!» - вспоминал Николай Тамразов. - Но нашлась женщина по имени Марина, из Ленинграда. У нее муж работал врачом. «Могу помочь!..»

Кстати, Марина попросила мужа осмотреть Высоцкого. «В таком состоянии человек не то что выступать, жить не может! Живой мертвец!» К такому выводу пришли и другие врачи. Янкович в марте 80-го не посчитал нужным скрывать от друга, что, по мнению одного из них, жить ему осталось не более двух месяцев. По прошествии срока Владимир Семенович посмеивался: «Ну что? Где же ваши врачи?!»

Обратно к спиртному

С приближением Олимпиады все столичные больницы и аптеки были взяты под строжайший контроль. Высоцкий вынужден был вернуться к алкоголю.

«Почему были эти жуткие последние запои? Да потому, что никто не мог достать лекарства», - считает Оксана Ярмольник.

Самый последний запой был, похоже, с Промокашкой из «Места встречи» - актером Театра на Таганке Иваном Бортником. Когда у Высоцкого не хватало «лекарства», он угрожал друзьям: «Ах вы так! Тогда я поеду к Ваньке. Если у него есть, он всегда даст».

В тот последний загул Оксана выдвинула требование: «Все! Я ухожу! Или пусть он уйдет!» Высоцкий не любил, когда им командуют женщины: «Нет, останьтесь оба! Если ты уйдешь, я выброшусь с балкона!»

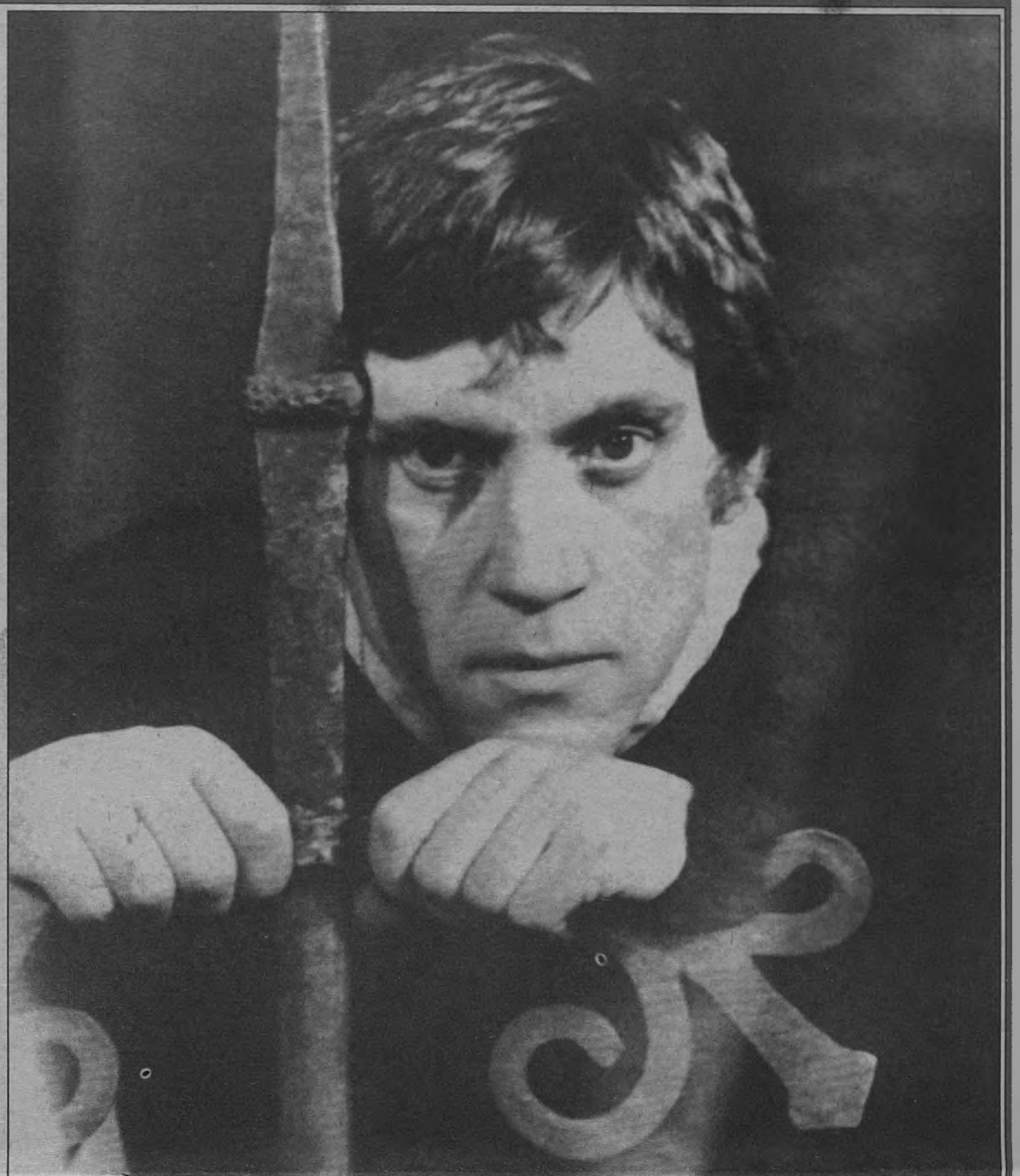
Попытки самоубийства в последние дни жизни Высоцкого, по мнению Оксаны, «были элементарным издевательством над близкими». Но в данном случае все могло закончиться трагедией. «Я оделась, выскочила на улицу. Смотрю: Володя висит на руках, держится за прутья решетки, - рассказывала она. - Бегом взбежала на 8-й этаж. С трудом вместе с Бортником мы втащили Володю на балкон».

22 июля Высоцкий обнадежил Янковича: «Дозу уменьшил, чувствую себя лучше. Уже выхожу...» Позвонил Марине в Париж: «Я завязал, у меня билет и виза на двадцать девятое. Ты меня примешь?» - «Приезжай. Ты же знаешь, я всегда тебя жду». - «Спасибо, любимая».

А вечером 23 июля в реанимационном отделении НИИ им. Склифосовского появились Валерий Янкович и Анатолий Федотов и попросили дозу хлоридгидрата.

- Это такой седативный - успокаивающий, расслабляющий - препарат, довольно токсичный, - объяснял врач Щербаков журналисту Перевозчикову. - Когда мы с Леней Сульповаром узнали, в каких дозах и в каких смесях хлоридгидрат будет применяться, мы встали на дыбы! Решили сами поехать на Малую Грузинскую.

Высоцкий был в асфиксии - Федотов накачал его большими дозами всяких седативов. Он лежал практически без рефлексов. У него уже завалился язык! То есть он сам мог себя задушить. Мы с Леней придали ему положение, которое и положено наркотизированному больному, рефлексy чуть-чуть появились.

Сульповар со Щербаковым тут же подняли вопрос о немедленной госпитализации. Но забрать к себе, в Склифосовского, они не могли. К Владимиру Высоцкому там относились негативно. К тому же совсем недавно несколько сотрудников Склифа угодило за решетку по «наркоманному делу». Федотов категорически возражал против госпитализации,

утверждал, что справится сам. Постановили: госпитализировать 25-го: в следующее дежурство Сульповара со Щербаковым. Оксана Ярмольник считает, что они просто испугались ответственности. Не дай бог, Высоцкий умер бы у них на отделении!

Гроб-исключение

24 июля оказалось последним днем жизни Владимира Высоцкого. Он по-прежнему стонал, метался по комнате, куда-то рвался. Очевидцы утверждают: находился практически в полубессознательном состоянии. И вдруг подходит к Янковичу: «Ты знаешь, я сегодня умру!» - «Как тебе не стыдно! Посмотри, сколько людей вокруг тебя вертится. У всех силы уже на исходе. Приляг лучше». То же самое вскоре Владимир Семенович скажет и Оксане: «Пойди приляг». Похоже, это были его последние слова.

Близкие Владимиру Семеновичу люди сделали все возможное, чтобы вскрытие не произошло. Боялись, что будет установлено: Высоцкий - наркоман. Врачебное заключение о смерти гласит: «Причина - острая сердечно-сосудистая недостаточность». Щербаков считает иначе: «25-го был полный аналог тому, что было 23-го. То есть медикаментозная кома».

Высказывалась еще одна версия: самоудушение - запал язык. Участковый милиционер, в чьем ведении находился дом 28 по Малой Грузинской улице, утверждал: «Неумышленное убийство». Дескать, Высоцкого спеленали простынями. А для наркомана, выходящего из комы, это смертельно. Наивный мент решил возбудить уголовное дело о «неумышленном убийстве». Собрал документы для передачи в следственные органы. Но мате-

риал необычайно быстро был списан в архив и... уничтожен. Кому-то очень не хотелось докопаться до истины.

Семен Владимирович Высоцкий категорично требовал похоронить сына «только на Новодевичьем». Юрий Любимов позвонил в Моссовет и услышал: «Какое Новодевичье! Там уже не всех маршалов хоронят!» Попытались разыскать Галину Брежнев (она отдыхала где-то в Крыму) и через Первого секретаря венгерской компартии Яноша Кадо- ра выйти на председателя КГБ Юрия Андропова - безрезультатно! Иосиф Кобзон в Моссовете получил разрешение на захоронение на Ваганьковском. Директор кладбища показал место. Кобзон достал пачку денег. «Да вы что?! Я же любил его!» - чуть не заплакал тот. Впрочем, Иосиф Давыдович утверждает, что «насчет денег» - это уже перебор, не было такого.

Специальный гроб № 6 изготавливался по распоряжению правительства для генсеков, членов Политбюро. В таких хоронили Сталина, Брежнева. За все время советской власти было сделано два исключения - для Владимира Высоцкого и Андрея Дмитриевича Сахарова.

Хоронили Высоцкого, как он и предсказывал, «при огромном стечении народа». Милицейский чин докладывал по рации «наверх» численность пришедших проститься со «златоустым бла- тарем»: «25... 30 тысяч...» Окончательной цифрой считается 40. И это в «закрытой» по случаю Олимпиады Москве!

Писатель Юрий Трифонов в кабинете Любимова растерянно произнес: «Как умирать после Высоцкого?» А Марина Влади уже в автобусе, направившемся в сторону Ваганькова, сказала одному из друзей мужа Вадиму Туманову: «Вадим, я видела, как хоронили принцев, королей, но ничего подобного не видела!..»

Владимир ЖЕЛТОВ

Хоронили Высоцкого «при огромном стечении народа»